

0061

ЦЕНТРПОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

Мэрон Кендрик
В ОЖИДАНИИ
ЧУДА

Подари себе меру

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Шэрон Кендрик

В ожидании чуда

«Центрполиграф»

2011

Кендрик Ш.

В ожидании чуда / Ш. Кендрик — «Центрполиграф»,
2011 — (Любовный роман – Harlequin)

Элени не догадывается, что ее скучному и унылому существованию скоро придет конец – высокопоставленный гость отца увезет ее с собой, а все последующие события станут лишь началом удивительной новой жизни, которая ее ожидает...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Шэрон Кендрик

В ожидании чуда

Глава 1

Почему бы мертвому скорпиону не лежать на земле? Но ведь Элени только что подмела двор! И теперь она озадаченно смотрела на черное насекомое. По коже вдруг пополз озноб. Это предзнаменование – ни больше ни меньше! Причем дурное предзнаменование, случившееся за считанные минуты до того, как к отцу должен приехать какой-то загадочный гость. Элени сглотнула. Разве легенды пустыни не были полны подобных дурных знаков-предзнаменований?

– Элени!

Вопль отца раздался в неподвижном горячем воздухе, и девушка напряглась, пытаясь определить, какое у него настроение.

Так, голос не дрожит. Это значит, что он трезв. Но Элени услышала и нетерпеливые нотки, что означало, что ему хочется поскорее приступить к карточной игре. Как и его приятелям – шумным, гогочущим мужланам, у которых явно туго с мозгами, раз они были готовы проигрывать все, что зарабатывали.

– Элени! – Это уже был настоящий рев. – Во имя пустыни, где тебя носит?!

– Я здесь, папа! – откликнулась наконец Элени, пихнув мертвого скорпиона в песочную могилу за пределами конюшни, и поспешила к дому, на пороге которого уже стоял ожидающий ее Гамал Лакис. Он оглядел дочь с ног до головы, и на его морщинистом, обветренном лице появилось кислое выражение.

– И чем ты занимаешься, раз не можешь находиться в доме и выполнять свои обязанности? – обвинил он ее.

Говорить отцу, что она, как всегда, занималась лошадьми, смысла не было. Хотя именно ее постоянной и неусыпной заботе Гамал Лакис был обязан той славой, что пошла об одной из его лошадей. Но Элени уже давно усвоила: ее отца, придиричливее которого не найдется никого в мире, никогда не устроит ни одно объяснение.

– Извини, папа, – машинально сказала она, глядя в землю, а затем снова подняла глаза и ободряюще улыбнулась: – Я сейчас же подам твоим гостям напитки.

– Нет. Мы пока не можем ни есть, ни пить, – неожиданно заявил отец. – Наш почетный гость еще не прибыл. – Его выцветшие глаза сверкнули, а лицо озарилось хитрой улыбкой. – А ты знаешь, кто он?

Элени отрицательно покачала головой. Этот визит держался в тайне вот уже несколько дней. Впрочем, мужчины в их королевстве сообщали новости женщинам только тогда, когда считали, что это стоит сделать. Так было принято и в их доме.

– Нет, папа, не знаю.

– Представь только! Один из самых важных людей во всей Калисте! – объявил отец. – Ну, может, хотя бы попробуешь догадаться, о ком я говорю?

Элени поняла намек, задав вопрос, который отец надеялся от нее услышать:

– Может, ты сам мне скажешь, кто это? И когда он прибудет, я бы могла встретить гостя с надлежащим уважением.

Тонкие губы Гамала изогнулись в торжествующей улыбке. Он помедлил, как человек, у которого на руках оказались козыри в игре с высокими ставками.

– Что ты ответишь, дочка, если бы я сказал, что в дом твоего отца должен прибыть принц? Она бы ответила, что теперь не сомневается: отец уже пропустил пару стаканчиков.

Элени придала лицу непроницаемое выражение игрока в покер.

– Вот как? – ровно переспросила она. – Принц?

– Да, да! – Он подался к ней навстречу. – Принц Калик аль-Фариси, – восторженно продолжил он, – собирается приехать сюда, чтобы сыграть со мной партию в карты.

Ее отец сошел с ума! Другого объяснения у Элени не было. Интересно, он уже успел сообщить об этом своим друзьям, которые наверняка заждались начала игры? Если он продолжит бахвалиться перед ними, то быстро превратится в объект насмешки. А это, в свою очередь, уничтожит ту репутацию, что у него еще оставалась.

– Папа, – настойчиво сказала Элени, понизив голос, – пожалуйста, сам подумай. – Что принцу из королевской семьи делать в таком месте?

Но ответа она так и не узнала, так как до них донесся топот копыт. Уверенных, сильных ударов копыт о выжженную солнцем землю и пески. В неподвижном воздухе приглушенный сначала звук раздавался все громче.

Элени обернулась. К ним скакала группа из четырех лошадей, но вдруг одна из них черной молнией отделилась от группы, и у Элени перехватило дыхание. Расширившимися от восхищения глазами она смотрела на всадника, искусного управляющего лошадью, несущейся бешеным галопом.

На фоне садящегося за горизонт оранжево-красного солнца выделялся его черный силуэт. Он сливался с цветом черного, как эбеновое дерево, жеребца, понукаемого яростно-бесшабашными криками. Черные волосы мужчины были под стать масти его коня, а его кожа блестела, как отполированный металл на солнце. Шелковые одежды обрисовывали мускулистую фигуру, развеваясь позади него, точно крылья птицы. Когда всадник приблизился к ним на достаточное расстояние, чтобы Элени могла разглядеть черты его лица, ее обуял самый настоящий страх. У него было такое суровое лицо, что у нее мелькнула мысль: «Для этого мужчины не составит труда превратить всех в песок, если такое взбредет ему в голову». Но, несмотря на жесткое выражение, лицо его можно было назвать красивым.

И тут Элени осознала, что отец не бахвалился, так как всадник, который скакал к их дому, действительно был принц Калик аль-Фариси. Принц-сорвиголова, плеябой, игрок, безответственный сын из двух братьев-близнецов короля Ашрафа. Мужчина, о котором говорили, что от одного его взгляда женщины начинают стонать от удовольствия.

В последний раз Элени видела его маленькой девочкой, стоя в толпе таких же, как она, и провожая взглядом королевскую семью, проезжающую мимо. Тогда принц Калик еще служил в армии и на нем была военная форма. Сейчас же, спустя десять с половиной лет, это уже был зрелый мужчина – красивый, сильный, неотразимый.

Элени повернулась и вбежала в дом.

– Ваше высочество, – выдохнул Гамал, когда принц въехал в покосившиеся ворота, и согнулся так низко, насколько ему позволяли его больные суставы.

Калик с небрежным изяществом и легкостью соскочил с коня. Его сапоги для верховой езды были покрыты пылью. Он оглянулся и даже не стал скрывать брезгливости, искривившей его губы, когда увидел, где очутился.

«Ну и дыра!» – отчетливо читалось на его лице. Но это же место могло дать ему то, чего он так жаждал. Развлечение для тела и души. Его взгляд метнулся над плечом чуть ли не распластавшегося перед ним хозяина в сторону двери конюшни и снова вернулся к нему.

– Встань, Лакис, – приказал принц. Гамал выпрямился, потирая спину и моргая.

– Разрешите мне сказать, какая это для меня честь – приветствовать в своем доме принца одной из древнейших семей...

– Покороче, – оборвал его Калик. Своим высокомерием он был обязан не одной школе мира, в которых перебивал. Такое поведение было продиктовано необходимостью защитить себя от жадности и амбиций тех, кто жаждал попасть под крыло королевского отпрыска. Калик рано это понял и с тех пор только тренировался в выражении своего высокомерия. Но иногда

он становился таким обаятельным, что на него невозможно было злиться. – Я приехал вовсе не затем, чтобы выслушивать ваши льстивые речи, Лакис, – мягко укорил его Калик. – Но чтобы сыграть в карты с человеком, которого – и об этом мне известно из достоверного источника – чертовски тяжело обыграть. Мне стало интересно, так ли это на самом деле?

Гамал усмехнулся и выпятил грудь:

– Все так и есть, ваше высочество. Калик нетерпеливо забарабанил пальцами по оплетке хлыста. Неужели этот простак не понимает, что, выставляя напоказ свое превосходство, он задевает гордость наследника королевских кровей? Он лениво кинул хлыст одному из своих телохранителей, который только что спешился с лошади.

– Вот и посмотрим, так ли верна слава о вас как об отменном игроке в покер, – небрежно сказал Калик. – И сегодня я хочу поиграть, как того просит моя душа. Но сначала – выпить! Не найдется ли у вас чем промочить иссушенное горло путешественников, так как мы проделали долгий путь по пустыне?

– О, простите меня, ваше высочество, простите, – заикаясь, пробормотал Гамал. – Пожалуйста, прошу вас зайти в мое скромное жилище. Вам подадут все, что вы только пожелаете.

Салон был пропитан сигаретным дымом, плавающим под потолком в свете керосиновых ламп, одна из которых ярко сияла над столом для покера. Чтобы зайти внутрь, Калику пришлось нагнуть голову. Один из телохранителей опередил его на пару секунд.

Гул голосов смолк, и все присутствующие в салоне мужчины мигом повскакивали со своих мест.

Калик улыбнулся волчьей улыбкой и махнул рукой, разрешая снова сесть. Разве правило номер один по одолению противников не гласило внушать им ложное чувство безопасности?

– Нет, нет. Сегодня никаких церемоний. Перед картами сегодня мы все равны, – негромко произнес он. – Если соблюдать за карточным столом все приличия, то это уже будут не карты, а какое-то недоразумение. Прошу считать меня не принцем этой страны, а одним из вас, который собирается славно поиграть сегодня в гостях у нашего общего хозяина Лакиса.

Элени стояла за дверью, собираясь с силами, чтобы войти внутрь, и гадая, понимает ли ее отец, во что он ввязывается? Потому что лично она не услышала искренности в медлительном голосе принца, с каким он произнес свой наказ-просьбу. Разве можно хотя бы на минуту допустить, чтобы этот могущественный человек захотел снизойти до уровня простых смертных?

– Элени! – Она уже была готова отозваться: «Да, папа», когда услышала следующие слова: – Моя служанка сейчас принесет нам еду и питье. Элени, иди сюда!

Несмотря на взвинченное состояние, Элени с трудом удержалась от улыбки. Какой прохиндей ее отец!

Сделав глубокий вдох, она вошла в комнату, устремив глаза в пол и стараясь побороть сильнейшее желание снова взглянуть на принца. Это было не так-то просто, тем более что слугам воспрещалось встречаться взглядом с членами королевской семьи Калисты. По протоколу Элени также полагалось сделать глубокий поклон. А она к этому не привыкла.

– Ваше высочество, – тихо сказала она и склонилась перед принцем, радуясь про себя, что благодаря многолетним занятиям верховой ездой ей удалось проделать это даже с некоторым изяществом. – Что пожелает мой хозяин для своего почетного гостя? – негромко добавила она, обращаясь к отцу.

Калик взглянул на нее, автоматически привлеченный звуком женского голоса. Голос этой девушки звучал мягко и мелодично, как теплая журчащая вода, словно в душную, затхлую комнату вдруг ворвалась свежая струя воздуха. И для служанки ее речь была слишком правильной и чистой. Сузив глаза, Калик продолжал разглядывать девушку.

Ее голова была скрыта вуалью, одежда на ней была унылая и бесформенная – под стать людям ее положения, но Калик все же предпочел бы что-нибудь более отрадное для глаз.

Какую-нибудь пышногрудую девицу с корсетом, едва прикрывающим грудь, с обращенным на него намеком в глазах и лукавой улыбкой.

– Что-нибудь выпить, – коротко сказал он, делая над собой усилие, чтобы перевести свои мысли в русло карточной игры, ради которой он сюда и прибыл.

– Может, пропустите с нами «Зеленого»? – с надеждой спросил Гамал.

Калика едва не передернуло. Да если бы он только мог заставить себя проглотить это пойло – крепкий алкогольный напиток зеленого цвета, который гнали из кактуса и который был запрещен на большей части территории страны! Впрочем, Калику было известно, что его все-таки пили. Но если его партнеры равнодушны к крепкой выпивке, может, это сыграет ему на руку? Не то чтобы Калик сомневался в своих собственных силах, но трезвая голова ему не помешает.

– Нет, спасибо, – легко отказался он. – Но вы можете пить все, что вам угодно. А мне принесите гранатовый сок, – обратился он к служанке.

– Сию минуту, ваше высочество, – сказала Элени и скрылась.

Калик откинулся на стуле, наблюдая за тем, как раздающий вытащил из коробки новую колоду карт, и чувствуя, как его охватывает знакомый азарт. Он хотел выиграть. Да, вне всяких сомнений. Потому что любил выигрывать, но главным все же был сопряженный с победой риск. Мелкие заводчики и тренеры скаковых лошадей не входили в круг его общения. Но как раз именно этот факт добавлял остроты его ощущениям. Чувство неизведанного, неизвестного, запрещенного... Почти нелегального.

Что поделать, если иногда Калику становилась скучна его жизнь? И пусть он повидал множество западных городов, в которых не побывать большинству простых смертных его страны. Городов, в которых он легко надевал маску шейха-плейбоя – как его окрестили журналисты, – обладающего огромным состоянием, выросшим благодаря алмазным копьям страны. Но иногда ему хотелось резкого контраста его обеспеченной, даже пресыщенной жизни. Когда Каликом овладевало подобное настроение, именно оно приводило его в места, подобные этому.

Когда началась раздача карт, Калик уже был полностью поглощен предстоящей игрой.

– Желаете какой-нибудь еды, ваше высочество?

Калик поднял глаза. Перед ним стояла девушка-служанка со стаканом гранатового сока. Он нетерпеливо покачал головой. Как ей только в голову могло прийти, что он будет есть за одним столом с этими...

– Нет. У меня нет аппетита. – Он взглянул на поставленный перед ним стакан. – А вот промочить горло не откажусь. Сделайте глоток!

Элени охватило смущение, и сильнее забилося сердце. Неужели принц собирается пить после того, как она выпьет из его стакана?

– Но...

– Я сказал, сделайте глоток, – мягко перебил ее Калик. – Если вы не хотите, чтобы я решил, будто вы собираетесь меня отравить.

Дрожащими пальцами Элени подняла тяжелый стакан – лучший, что был у ее отца, – поднесла к губам и сделала глоток сладковатого сока с насыщенным вкусом, машинально отодвинув кончиком языка соломинку.

«Да, не позавидуешь принцу, – подумала она, – если он каждую минуту ожидает беды со стороны любого, даже незнакомого человека». Элени даже ощутила к нему прилив сочувствия. Неужели, куда бы он ни отправился, ему приходится смотреть в оба, почти каждую секунду ожидая нападения со спины какого-нибудь фанатика?

Пронзительный взгляд неотрывно следящих за ней черных глаз заставил Элени занервничать еще больше. И что теперь? Как долго он собирается смотреть на нее, пока не удостоверится, что в напиток не подсыпан яд?

– Ну? – резко спросил Калик.

Элени сглотнула и уставилась на стакан:

– Думаю, сок вам понравится, ваше высочество.

– Дай сюда! – неожиданно смягчившимся голосом велел он.

Элени пришлось поднять на него глаза, чтобы протянуть стакан. Калик смотрел на ее лицо со все возрастающим удивлением. Глаза у этой служанки были зеленые! Светло-зеленые и блестящие. Зеленые глаза, так часто встречающиеся в сказаниях Калисты, особенно относящихся к временам, уходящим своими корнями в эпоху завоевателей из Персии, которые ненадолго подчинили эту страну, после чего были изгнаны из нее одним из предков Калика.

– Клянусь пустынной бурей, – пробормотал он себе под нос, делая глоток и не отрывая взгляд от глаз девушки, вызвавших вдруг какое-то странное сердцебиение. – Какие красивые глаза...

Но в эту минуту на стол полетели карты, и Калик вернулся к игре, почти мгновенно позабыв и служанку, и ее глаза.

Игра велась по-крупному, но не понадобилось много времени, чтобы Калик понял: по-настоящему серьезным для него противником среди этих мужчин является хозяин. Скоро они остались один на один. Но Гамал пил слишком часто и слишком много. А где, как не за карточным столом, следует всегда сохранять трезвую голову?

Когда банкомет раздал им по две карты, Калик успел заметить промелькнувшую улыбку триумфа на лице Гамала. Напряжение принца возросло до предела. Он чувствовал: приближается его момент триумфа. Подняв взгляд от карт, принц наткнулся на зеленые глаза служанки, в которых плескался ужас.

Может, она опасалась, что ее хозяин, проиграв все свое имущество, лишит ее работы?

Бросив еще один взгляд на свои карты, Калик подался вперед.

– Ставлю тысячу, – негромко произнес он, вызвав потрясенный выдох одного из мужчин, превратившихся из игроков в зрителей.

Гамал тут же подтолкнул вперед кучку банкнотов.

– Три тысячи, – прохрипел он, увлажняя губы языком.

Калик снова откинулся на спинку стула, ощущая жадность этого человека и уверенность в своей близкой победе. Он улыбнулся с чувством превосходства, держа на руках пару карт, подкрепляющих его уверенность.

– Мне кажется, вы готовы поставить больше, Лакис? – бархатным голосом спросил Калик. – Может, поднимем ставки? Если вы, конечно, хотите.

Глаза Гамала заблестели.

– Сколько? Калик пожал плечами:

– Думаю, вам известно, что я не испытываю ни нужды, ни необходимости в деньгах, но, если хотите, можете выставить того арабского жеребца, о котором я столько слышал. Моя ставка – миллион. Что скажете, Лакис?

Элени уронила ложку в надежде вернуть отца в чувство, но в напряженной тишине комнаты никто не придавал значения этому звуку.

Все это напоминало страшный сон: ее пьяница отец собирается выставить в игре в покер свое самое дорогое достояние – призового жеребца. Ее дорогого сердцу коня, который был единственным, кто не позволял ей сойти с ума в этом мире невежественных и вульгарных людей.

– Миллион, вы говорите? – жадно переспросил Гамал.

– Миллион, – подтвердил Калик. Элени прикусила язык, чтобы не закричать отцу, чтобы он не совершал непоправимой глупости, потому что даже она, глядя на расслабленную позу принца и его непроницаемое лицо, догадалась, что у того на руках выигрышные карты.

– Не желаете еще сока, ваше высочество? – отчаявшись, спросила Элени.

– Не смей ко мне обращаться во время игры! – рявкнул Калик.

– Да, да. Я ставлю жеребца! – вдруг выкрикнул Лакис, раскрывая двух королей. Элени поднесла кулак ко рту.

– Нет, – прошептала она, но ее никто не слышал.

Калик медленно положил на стол два своих туза, и все, кто находился в комнате, потрясенно выдохнули, как один.

– Похоже, я выиграл, – мягко заметил Калик. Элени почти не сомневалась, что еще немного – и она потеряет сознание. На дрожащих ногах она добрела до двери, ничуть не заботясь о том, что покидать помещение, в котором находится принц, можно только с его разрешения. Ей было все равно. Стоит ли соблюдать какие-то церемонии, когда отец только что разбил ее жизнь?

Спотыкаясь, Элени вышла в темную ночь и побежала к конюшне. Ее любимец Набат, узнав ее, тихонько заржал и стал тыкаться мордой в ладонь в поисках лакомства.

– Ох, Набат, – прошептала Элени, обхватывая его стройную, сильную шею обеими руками. – Мой дорогой, дорогой Набат. Как я смогу без тебя жить? – Она взглянула на коня и прочитала в его выразительных глазах недоумение.

Этот жеребец прибыл к ним длинноногим, нелепым жеребенком, но уже тогда Элени смогла разглядеть в нем будущего красавца, которого могло ждать блестящее будущее. Элени оставалось лишь догадываться, как ее отцу удалось его заполучить.

В те дни Набат был раздражителен, делал свечки по поводу и без него, кусал любого, кто проходил мимо, и только Элени – каждодневной лаской, терпением и любовью – удалось укротить его нрав.

– Эта бестия слишком высокого о себе мнения, – не раз кипятился отец, и его рука тянулась к длинному хлысту, который он обычно носил с собой. – Может, стоит вбить в него несколько хороших манер?

Но Элени каждый раз вставала на защиту коня.

– Нет, папа, – умоляла она. – Позволь, я займусь его воспитанием. Это потребует времени, но я обещаю, что смогу с ним договориться.

– Для него же будет лучше, если это случится как можно скорее, – сердито бурчал отец. – Иначе недолго срок, как он обнаружит себя на конском базаре в Аквиле. Пойдет там на шашлыки.

Услышав эту угрозу и не сомневаясь, что отец приведет ее в исполнение, Элени стала спать в конюшне на соломе, подальше от жеребенка и его копыт, но чтобы всегда находиться в поле его зрения, надеясь, что таким образом он скорее к ней привыкнет и они поладят. В конце концов, ее усилия были вознаграждены. Жеребенок полюбил ее той любовью, на которую способны только умные животные, – любовью без всяких требований и условий. Любовь, которую со дня смерти матери к Элени не выказывал ни один человек.

Скоро Гамал уже упивался славой, которая досталась ему, когда жеребенок повзрослел и каждое его участие в скачках заканчивалось победой.

Элени крепче прижалась к шее коня.

– Ну нет, я с тобой не расстанусь! – пылко прошептала она. – Это я тебе обещаю. Если понадобится, я поеду с тобой, укрывшись в соломе. А когда представится возможность, мы убежим вместе. Может, нам повезет и мы найдем спокойное место, где нас больше никто не разлучит...

Правда, оставалось еще узнать, когда принц решит забрать свой трофей. Возможно, это произойдет не сразу... Элени надо подумать, как ей незаметно ускользнуть вместе с Набатом, а также собрать свои скудные пожитки.

Погруженная в свои мысли, она не сразу услышала нетерпеливый и властный голос нового владельца Набата. Элени похолодела, так как поняла, что принц в конюшне. Стук

сердца отозвался у нее в ушах. Она отпустила шею Набата и отпрыгнула от него, но было поздно. В лицо ей ударил луч керосиновой лампы.

Прошло несколько секунд, прежде чем ее глаза привыкли к свету.

Элени застыла на месте, чувствуя стыд. Словно ее застали в объятиях любовника.

– Ты?! – тихим угрожающим голосом спросил Калик. – Что ты здесь делаешь?

Глава 2

Страхи Элени вдруг улеглись. Ее плечи распрямились, в глазах засверкала ненависть. – Я просто прощалась со своей лошадкой, – процедила сквозь зубы Элени.

– С твоей лошадкой? – Калик подошел ближе. – По-моему, ты забываешься, милочка. Эту лошадь я только что выиграл в карты у твоего хозяина. И кажется, сначала ты забыла мне поклониться, – напомнил он служанке о разнице в их статусе.

Элени словно ударили в живот. Она едва не бросила, что скорее раскланяется перед верблюдом, чем перед ним. Остановило ее лишь одно: чего она добьется своим вызывающим поведением? Тем более что не так давно ее отец так глупо бахвалился перед человеком, который по праву считался одним из самых могущественных людей в Калисте. Стоит ли навлекать на себя гнев принца Калика аль-Фари-си, во вспыльчивости которого она уже успела убедиться?

– Ваше высочество, – одними губами произнесла Элени, склоняясь в легком поклоне.

Калик пробежался по ее фигуре взглядом. То, как держалась эта девушка, ставило его в тупик. Что-то в ее поведении и речи никак не вязалось с ее статусом. И потом, с чего это простой служанке так грустить перед предстоящей разлукой с хозяйским конем?

– Объяснись! – велел Калик, испытывая неприятное чувство, что его водят за нос.

Его голос прозвучал как удар хлыста. Элени инстинктивно вздрогнула и тут же подумала, что даже такой высокородный мужчина ничем не лучше ее грубого отца. Неужели он ожидает, что она скажет ему правду?

– Что вы хотите, чтобы я вам объяснила, ваше высочество? – отрывисто спросила Элени.

Калик заметил ее взгляд, брошенный в сторону его телохранителя. И тут же вспомнил цвет этих больших глаз. Потрясающий цвет, еще никогда не виденный им ни у одной из женщин в королевстве...

– Выйди, – коротко бросил он телохранителю.

– Но, ваше... Калик повернулся к здоровяку и сурово сжал губы.

– Ты думаешь, мне не по силам справиться с этой крошкой самому? – осведомился он, саркастически заламывая черную бровь. – Или, наоборот, считаешь, что помощь может понадобиться ей?

– Ваше высочество...

– Вижу, ты правильно меня понял, – кивнул Калик. – Я не собираюсь пятнать себя возней с этой неряшливой девчонкой, которую можно принять за мальчишку. Так что убирайся, – повторил он с ноткой гнева в голосе, и мужчина поспешил уйти.

Элени стояла, ожидая, что принц Калик возобновит свои вопросы, но он ее удивил. Совершенно не обращая на нее внимания, принц принялся изучать жеребца, отмечая хороший уход и превосходные стати отличного бегуна. Закончив осмотр, Калик удовлетворенно улыбнулся. Вблизи жеребец оказался даже еще лучше, чем вдали, когда Калик на прошлой неделе увидел его, шутя выигравшего забег.

Он подошел ближе. Ноздри Набата затрепетали. Конь прижал уши и враждебно покоился на Калика, а затем, фыркнув, отошел от него на шаг. У Элени пересохло в горле. Ей осталось лишь гадать, будет ли принц Калик прибегать к тому высокомерию по отношению к Набату, с каким он обращался с людьми, занимающими более низкое положение, чем он.

И принц снова ее удивил. Вместо того чтобы доказывать коню свое превосходство силой, он повернулся к ней и подверг ее внимательному, изучающему взгляду, от которого уже занервничала сама Элени. Еще ни один мужчина не смотрел на нее так, как он. Сердце у нее вдруг учащенно забилося.

– Погладь лошадь, – велел он.

– Но...

– Без всяких но, – ледяным тоном прервал ее Калик. – Никогда не возражай члену королевской фамилии! Или в школе тебя этому не учили, милочка?

Еще как учили! Основные правила протокола общения с особами королевской крови входили в курс обучения истории Калисты и преподавались в любой деревенской школе. А сейчас даже дети из самого низкого сословия могли посещать школу благодаря приказу королевы Энни, раскритиковавшей устаревшие порядки и настоявшей на том, чтобы каждый ребенок в стране мог получить хотя бы начальное образование. Но в этих уроках, что в общем-то неудивительно, не содержалось и намека на то, как простому человеку вести себя в обществе члена королевской крови, оказавшись с ним наедине в конюшне.

– Простите, ваше высочество, – сказала Элени. Глаза Калика сверкнули. За свои тридцать шесть лет он слышал самые разные фразы, выражавшие уважение к нему, но ни в словах, ни в поведении этой девушки уважения или хотя бы даже просто почтения не было. Все ее поведение указывало только на подавляемый гнев. Да как она смеет?!

– Погладь лошадь, – шелковым голосом повторил Калик.

Элени сдалась. Подойдя к Набату, который тут же успокоился и стал пофыркивать, тычась ей в ладонь в поисках сахара. Его теплого дыхания и прикосновений бархатных губ было достаточно, чтобы Элени на миг забыла, где она и с кем.

– Нет, нет, – рассмеялась она. – Сегодня для тебя у меня нет никакого лакомства, мой хороший.

Набат качнул головой, отказываясь верить своим ушам. Тут Элени уловила резкий свист и вспомнила про принца. Подняв глаза, она встретила с его взглядом. Он смотрел на нее, как удав на кролика.

– Кто ты? – медленно спросил он.

– Меня зовут Элени.

Он нетерпеливо качнул головой:

– Мне все равно, как тебя звать. – Продолжая смотреть в ее неправдоподобно красивые, сбивающие с нужных мыслей глаза, Калик понизил голос: – Я хочу знать, почему ты так отлично ладишь с этим жеребцом.

– Потому что... Сердце у нее упало. Какой же наивной дурочкой она была, если намеревалась незамеченной пробраться на королевские конюшни, а затем попробовать устроиться на них работать, чтобы быть поближе к своему любимцу! Должно быть, в гневе этот мужчина не просто опасен, а по-настоящему страшен. Может, не стоит рисковать и сказать ему все как есть?

– Потому что я ухаживала за ним с тех пор, как он появился в нашей конюшне, – тихим, но отчетливым голосом произнесла Элени. – Набат был еще маленьким жеребенком, но уже тогда познал грубое обращение.

– Набат?

– Так его зовут. Это имя означает «сладость» – когда вы крошите кусочки желтого сахара в ярмарочный день. Он откликается только на *это имя*, – с нажимом добавила она.

– Продолжай, – сказал Калик, и его голос прозвучал на удивление по-доброму.

– Я ухаживала за ним, баловала его лакомствами. Я была первой, кто сел на него без седла. – При воспоминании, как они с Набатом проделали круг по двору, на душе у Элени потеплело. – Я также была первой, кто оседлал его. – Голос ее дрогнул. – Сначала ему это не понравилось. Как и любому чистокровному арабскому скакуну, наверное. Но постепенно он привыкал к нему, и я... я... – Голос Элени сорвался. – Я люблю его, – прошептала она, чувствуя, как боль сжала ей сердце, и не чувствуя, как по ее щеке потекла первая слеза.

Но Калик это заметил и на секунду даже растерялся. Еще никогда ни один слуга не осмеливался выказывать в его присутствии свои чувства.

– Вытри глаза, – грубо велел он, заставляя себя не думать о том, что от слез ее зеленые глаза засверкали, как драгоценные камни. – И ответь на мой вопрос.

– Но я только что ответила вам, – слабо возразила Элени, поспешно смахивая слезы с щек.

– Нет! – резко ответил Калик. – Своим ответом тебе не удалось удовлетворить мое любопытство и ответить на вопрос, каким образом такая бедная служанка, как ты, прислуживающая за игральным столом подвыпившим мужчинам, вдруг получила разрешение ухаживать за такой дорогой собственностью.

Принц хочет услышать правду? Очень хорошо. Она сделает это с превеликим удовольствием.

– Потому что я не служанка, ваше высочество. – В этом месте Элени все же пришлось сделать глубокий вдох, собираясь с силами, чтобы продолжить: – Вообще-то я дочь хозяина, Гамала.

Дочь?

– Тогда что это за спектакль ты только что разыграла передо мной? – спросил он, и на его скулах заходили желваки. Он окинул ее платье взглядом. – И почему ты одеваешься как служанка?

Элени промолчала. Да она лучше умрет, чем признается, почему выглядит серой мышкой!

– Или вы приоделись к этому специально, испросив разрешения у отца, так как это позволило бы вам дожидаться *своего принца*? – высокомерно осведомился он. – Хотите хотя бы раз в жизни хорошенько рассмотреть, как должны выглядеть настоящие мужчины?

Элени уже знала, что большинство мужчин до ужаса себялюбивы, но этот экземпляр переплюнул их всех. И плевать на то, что он принц!

– Нет, ваше высочество, это не являлось моей целью, – спокойно ответила Элени и, чувствуя закипающий в ней гнев, опустила глаза, чтобы они не выдали ее эмоций. – Выбирая эту одежду, я не преследовала такую цель.

– Тогда в чем дело? Смотри на меня, когда разговариваешь со мной! – потребовал Калик.

– Как скажете, ваше высочество, – неохотно сказала Элени и медленно подняла глаза.

У Калика невольно перехватило дыхание. Он бы никогда не велел женщине смотреть на него, тем более женщине такого низкого положения, если бы не какое-то необъяснимое и неясное желание снова заглянуть в ее невероятные глаза. Как человек, которому вдруг мельком позволили увидеть рай...

В горле у него неожиданно пересохло. Ее глаза действительно были самого необычного оттенка, который он когда-либо видел, – бледно-зеленые, как полярное сияние над белыми ледниками...

– А почему ты притворялась служанкой Гамала?

– У нас не много слуг, – смущаясь, проговорила Элени, так как в Калисте богатство семьи оценивалось по количеству прислуги, которую она могла позволить себе нанимать.

– Да? И почему же?

– Вопрос денег, ваше высочество. – Ей все же удалось произнести это с достоинством.

– Правда? – негромко удивился Калик, оглядываясь по сторонам. Конюшня, конечно, нуждалась в ремонте, но денники были просторные и чистые, да и дом не маленький. Должно быть, раньше у этой семьи было достаточно средств, чтобы нанимать слуг, но большую часть этих денег Гамал наверняка пропил или проиграл в карты.

Калик шагнул к Элени. Ее сердце тут же забилось быстрее, по спине пробежала дрожь от страха и еще какого-то непонятного чувства.

– Что же ты здесь делаешь? – спросил Калик. – И почему обнимаешь *моего коня*?

У Элени чуть не разорвалась сердце, когда она услышала это его протяжное – «моего коня». Но ведь с сегодняшнего дня Набат действительно принадлежал принцу. Совсем скоро одна из королевских конюшен станет его домом, а она больше никогда не увидит своего Набата.

Слова сорвались у нее с языка помимо воли.

– Стоило мне подумать, что больше никогда не увижу моего... вашего коня, – болезненно морщась, поправила себя Элени, – как я поняла, что не могу с ним расстаться. Я... я думала о том, как мне избежать этой разлуки.

Калик смотрел на нее секунду. Затем его губы изогнулись в снисходительной улыбке.

– Вот как. И до чего же ты додумалась, ящерка моя? Элени внутренне съежилась от его ироничного тона, насмешливого блеска в темных, холодных глазах и почувствовала прилив ненависти к этому самодовольному мужчине, который так пренебрежительно смерил ее взглядом с головы до ног. Она чуть вздернула подбородок.

– Когда Набата стали бы перевозить, я собиралась спрятаться и последовать за ним, – отчетливо произнесла она, ожидая, что принц ее сейчас снова осадит, напомнив о ее положении.

К удивлению Элени, он промолчал, лишь его глаза сузились, выдавая, что он совершенно не готов к такому ответу.

– Ты не думала о том, что таким образом тебя бы довольно легко и быстро обнаружили? Что кто-нибудь из дворцовой стражи, найдя тебя, не стал бы выяснять, кто ты и откуда взялась, а просто проткнул бы тебя мечом, избавляя всех от ненужной бумажной волокиты и допросов?

Элени сразу пришло на ум воспоминание о том, как принц Калик сначала заставил ее сделать глоток гранатового сока, чтобы убедиться, что напиток не отравлен. И она снова почувствовала этому богатому, властному и могущественному человеку, который, несмотря на свой статус, а возможно, из-за него, скорее всего, был одинок и не защищен.

– Я не очень-то думала о себе, – призналась она.

– Странно, но я тебе верю. – Он провел рукой по черным как смоль волосам, и этот жест снова насторожил Набата. Конь фыркнул и беспокойно затоптался на месте, перебирая ногами.

– Он не любит мужчин, – сказала Элени, и это была чистая правда.

– Он не *любил* мужчин, – поправил ее Калик. – Но скоро научится.

Элени сразу вздрогнула, подумав о хлысте, которым так часто грозил, да и применял ее отец на других лошадях.

– И он ненавидит, когда с ним жестоко обращаются, – заявила она.

Калик чуть не улыбнулся. Несмотря на свою невзрачную одежду и невысокий рост – она едва доходила ему до груди, – держалась девушка уверенно и бесстрашно. Калик не мог не восхититься ее храбростью.

– Лошади подобны женщинам, – усмехнулся он. – Ни те ни другие не любят жестокого обращения.

К своему ужасу, Элени почувствовала, как ее щеки начинают заливаться румянцем.

И тут Калик по-настоящему впервые улыбнулся.

– Не бойся, моя ящерка, – протянул он, – со мной тебе ничего не угрожает.

Элени кинула быстрый взгляд на лицо Калика. Он выглядел задумчивым. Должно быть, размышлял, что делать с Набатом, а возможно, и с ней. И в Элени вдруг проснулось чувство, которое, как она думала, умерло много лет назад.

Надежда.

Она вся напряглась. Что-то подсказывало ей не подавать голос и молча ждать решения Калика.

– Ты заботилась об этом коне, – наконец медленно начал Калик.

– Да, ваше высочество.

– Он тебя знает и слушается.

- Да, ваше высочество.
- А как ты думаешь, изменится ли его поведение, когда тебя не будет рядом?
- Ему это не понравится, ваше высочество.
- Думаешь, он начнет отказываться от корма? – прищурился Калик.
- Вполне возможно, – призналась Элени и добавила, спохватившись: – ваше высочество.
- Как влюбленный дурак, – чуть ли не фыркнул Калик.
- Элени закрыла было глаза, но тут же вспомнила, что Калик велел смотреть ему в лицо.
- Не могу этого знать, ваше высочество.
- Может, даже зачихнет без своей маленькой ящерицы... – Эта мысль его как будто даже

позабавила.

Элени снова покорило от того, как Калик назвал ее. Однако она лишь ответила:

– Не думаю, ваше высочество. Хотя любовь – чувство сильное, но любовь к жизни сильнее любви. – Непонятно почему лицо Калика приобрело замкнутое выражение, и Элени поспешила продолжить, пока она его окончательно не разгневала: – Набат не умрет, но он будет скучать по мне. Это сделает его несчастным. А я уверена, что несчастные лошади, как и несчастные люди, не могут достичь результата, которого от них ждут. В случае с Набатом – выигрывать скачки.

Калик медленно кивнул, в этот раз как будто соглашаясь со словами Элени.

– Ну и что ты предлагаешь, чтобы этого не произошло с *моим* конем?

Оказывается, страх может придавать сил!

– Я предлагаю вам взять меня личным конюхом Набата, ваше высочество, – смело сказала Элени.

Это было бы смешно, если бы не звучало так абсурдно.

– Нахальную девчонку? А что скажет твоя мать?

Молчание. Ресницы Элени дрогнули. Она с сосредоточенным видом уставилась в пол, словно там было что-то в высшей степени интересное.

– У меня нет матери, ваше высочество. Теперь уже настала очередь Калику замереть. Эта девушка выросла без матери? О, что касается этого, то он понимает, каково ей приходится, тем более что мать и дочь связывают еще более крепкие узы, чем сыновей с матерями... Сам Калик потерял мать в девять лет, когда та рожала его брата Зафира. Эта потеря стала для него и его брата-близнеца страшным ударом.

– Что с ней произошло? – тихо спросил он. Элени передернула плечами, словно таким образом избавляясь от невежливого вопроса.

– Она умерла, – коротко ответила Элени.

– От чего? От пустынной лихорадки?

– Нет, ваше высочество.

– Тогда от чего?

Элени заколебалась. Принц был слишком настойчив. Но с другой стороны, кто в последний раз интересовался ее жизнью? И если уж на то пошло, кто когда-нибудь упоминал о том, что ее зеленоглазая мать так и не смогла свыкнуться с жизнью замужней женщины? Точно не ее отец! Он вычеркнул жену из своей памяти, и, хотя в их доме не запрещалось произносить ее имя вслух, Элени не осмеливалась упоминать о матери из страха.

– Отцу не понравился ужин, – начала Элени, смотря куда-то поверх плеча Калика и смутно вспоминая шум и пьяные крики, а также разбросанную по полу чечевицу. – Он послал мать на рынок купить курицу. По дороге домой она споткнулась и упала. – Элени сглотнула комок в горле. – Все решили, что она была укушена змеей, но к тому времени, когда ее нашли, мама уже была мертва... А курицу сожрали грифы...

Руки Калика сжались в кулаки. Прежде он никогда не замечал за собой особой сентиментальности, но краткий рассказ этой девушки затронул в нем какую-то струну.

– Сколько лет тебе тогда было? – нарочито небрежно спросил он.

– Десять. Почти столько же, сколько было ему, когда он лишился матери... Калик отвернулся, не в силах выносить неприкрытую боль на лице девушки. «Кто бы мог подумать, – мелькнуло в голове у Калика, – что мы, два таких разных человека, вдруг окажемся связаны одной нитью, берущей начало в нашем прошлом? У каждого человека, – с горечью думал он, – невзирая на положение в обществе, есть ничем не восполнимые утраты и шрамы, которые никогда не зарубцуются...»

Впрочем, сейчас не время, не место, чтобы думать об этом. Да и здравый смысл говорил Калику, что ни к чему ему забирать вместе с конем еще и девчонку из самых низов. Ну разве ей место в королевской конюшне?

С другой стороны, она ладит с Набатом, и, если будет рядом с конем, времени на адаптацию к новому месту у того уйдет меньше, а значит, и результаты скачек не снизятся. Кто знает, что может взбрести на ум этой лошади!

Калик посмотрел в лицо девушки. В этот раз она прямо встретила его взгляд. В ее зеленых глазах читался немой вопрос. «Да, любовь, может, и не самая могучая сила в этом мире, но она точно придает храбрости», – отметил он про себя.

– Вас будет не хватать вашему отцу, – оборонил он.

– Да, ваше высочество.

Девушка моргнула, и этот жест разнился с ее словами. Да Калик и сам не верил, что жадный и грубый Лакис будет скучать по своей дочери. Скорее, он будет скучать по той даровой рабочей силе, которую она ему предоставляла. К чести Элени, она не стала очернять своего отца перед принцем. И это Калику импонировало.

– Хочешь поехать со мной? В качестве конюха? Элени смотрела на шейха и не верила своим ушам.

Сердце у нее забилось так громко, что в наступившей тишине его стук наверняка хорошо слышен Калику.

– Да, конечно, ваше высочество! – едва обретя дар речи, пискнула Элени и, не осмеливаясь поверить своему счастью, опустила глаза. – Да, конечно!

– Тогда для начала тебе придется научиться смотреть мне в глаза, когда я с тобой разговариваю, – грубовато сказал Калик. – Не очень-то приятно думать, что тебя предпочитают полу, или стене, или любому другому неодушевленному объекту.

– Но... – попыталась было возразить Элени.

– Если будешь работать в конюшне, придется привыкать, что к тебе будут обращаться как к работающим там мужчинам, – продолжил Калик, чтобы у девушки не осталось иллюзий, что он берет ее за красивые глазки. – Если ты работала с лошадьми, то знаешь, что среди них встречаются нервные и пугливые экземпляры. В таком случае все общение сводится к обмену взглядами. Но в любом случае, ведя разговор с каким-либо человеком, я люблю видеть перед собой его лицо, но никак не затылок.

– Да, ваше высочество.

Калик между тем уже обдумывал последствия этого шага. Не вызовет ли новость, что вместе с лошастью он привез с собой еще и женщину, пересуды и сплетни во дворце? Впрочем, пускай чешут языками все, кому не лень. Он не обращал внимания на это раньше, не видит причины, чтобы начинать обращать на это внимание и теперь.

Калик окликнул телохранителя, который очутился рядом в доли секунды.

– Эта девушка поедет с нами, – отрывисто сказал он.

– Хорошо, ваше высочество. – Голос и лицо телохранителя оставались бесстрастными.

– В качестве моего конюха. Пока ее единственной обязанностью будет уход за моим новым жеребцом. Договорись о цене с ее отцом. И не торгуйся. Заплати столько, сколько тот запросит. В рамках разумного, конечно. Затем приедешь с ней во дворец.

И Калик стремительным шагом покинул денник, а затем и конюшню, даже не взглянув в сторону Элени. Заметив брошенный на нее взгляд телохранителя – сейчас его лицо приобрело откровенно враждебное выражение, – она прикусила губу, чтобы не расплакаться.

Да, принц в некотором роде выручил ее, так как сейчас у нее будут все основания находиться рядом с Набатом. Более того, она наконец-то покинет этот ненавистный мир грубых и пьяных мужчин. Все так. Но как ей относиться к заявлению принца, что он купил ее так же, как покупает драгоценности угодившим ему женщинам?

Глава 3

Остановив лошадь, Элени не смогла скрыть свое его изумления, лишь пробормотав себе под нос:

– Клянусь песчаной бурей!

Нелегкая поездка через негостеприимную пустыню была вмиг забыта при виде величественного дворца принца Калика. Он был отлично виден от великолепных конюшен, которые отныне должны были стать ее новым домом.

Элени до сих пор не могла поверить, что это не обман зрения и что она действительно находится в этом месте. Ее отец неожиданно легко позволил ей уехать. Когда она пришла к нему, чтобы попрощаться, он лишь пожал плечами:

– Ты совсем как твоя мать. Ну и скатертью дорога!

Он сплюнул на пол табачную жвачку, и Элени передернуло. Может быть, отец действительно не будет скучать по ней, но вот то, что ему придется тратить на служанку, его вряд ли обрадует. Впрочем, если ее догадка верна, принц заплатил ее отцу приличную сумму. Именно этим Элени могла объяснить подобное безразличие.

И вот теперь у нее новый дом. Дворец, окруженный садами небывалой красоты и великолепия, которые еще больше потрясали воображение, если вспомнить, что позади этих высоких стен лежала пустыня.

– Здесь очень красиво, – не в силах сдержать восхищения, обратилась она к мужчине, сопровождавшему ее всю дорогу от дома отца.

– Еще бы, – неожиданно довольно приветливо согласился телохранитель. – Дворец известен далеко за пределами страны. Иногда сюда приезжают специально, чтобы выразить свое уважение и почтение его высочеству, и оставляют перед воротами цветы, а бывает, даже сладости. И естественно, среди них много женщин, и все хотят посмотреть, так ли принц красив, как о нем говорят и пишут. – Он повернулся к Элени: – Ты еще не видела дворца принца?

– Нет, – застенчиво ответила Элени, спешиваясь и проводя рукой по блестящему, упругому боку Набата.

Элени видела главный дворец Калисты, расположенный рядом с оживленным портом Аквиллой, имеющим стратегическое значение. Ее туда однажды взяла мать в День государственного флага. Но даже сейчас, спустя много лет, Элени помнила ясный день и почти все события того дня в деталях, возможно, потому, что это был их последний совместно проведенный день, вдали от дома, незадолго до смерти матери...

Улицы были полны простых людей, прибывших в порт со всех уголков страны. У всех в руках были флаги, и все вытягивали шею, чтобы получше рассмотреть медленно проезжающую мимо королевскую семью. Элени впервые оказалась в таком большом городе, и впечатлений от одной поездки хватило ей надолго.

В тот день она надела свою лучшую тунику и под цвет ей брюки, которые носили женщины Калисты независимо от возраста. Ее густые волосы были заплетены в косу и перевязаны зеленой лентой, под цвет ее глаз. Под густой листвой старых деревьев, растущих вдоль улицы, ее мать купила засахаренный миндаль и кусочки сушеной дыни. Все это они запили сладким гранатовым соком, в то время как один из исполнителей хора выводил «Дестан» – эпическое произведение, написанное в честь королевской семьи.

Тогда же Элени увидела королеву Энью, проезжавшую по улице. Эта замечательная женщина взяла на воспитание семерых детей короля Ашрафа, лишившихся своей матери. Только подумать – семь детей! И конечно же внимание ее привлек Калик. Элени смотрела на красавца принца во все глаза, недоумевая про себя, почему с ним нет его брата Аарифа.

И вот теперь она своими глазами видит выкрашенный в голубой цвет, блестящий на солнце дворец Калика и все еще с трудом понимает, как такое может быть. Кто бы мог предположить, что она, Элени Лакис, будет ходить по той же земле, по которой ходит Калик аль-Фариси! И не просто ходить, а работать на него! Не говоря уже о том, что это место станет ее домом...

– Тебе покажут твою комнату, – сказал телохранитель.

– Спасибо, но я сначала должна позаботиться о Набате, – покачала она головой.

– Не волнуйся, один из конюхов сделает это за тебя.

– Нет!

Элени еще решительнее качнула головой. В конце концов, принц нанял ее только ради Набата. Если она в первый же день пренебрежет своими обязанностями, кто знает, не заставит ли это Калика передумать? И уж тем более, не дай бог, он велит ей возвращаться к отцу!

Девушка содрогнулась от этой мысли. Нет! Она постарается доказать, что лучше ее ухаживать за Набатом никто не сможет.

– Я расседлаю и накормлю Набата сама, – твердо повторила Элени.

Телохранитель Калика пожал плечами:

– Тогда я вернусь через полчаса вместе со служанкой. Она покажет тебе, где ты будешь жить.

Элени его уже почти не слушала, восхищенным взглядом окидывая конюшни и прилегающие к ним территории. Черт, да она бы сама не возражала стать одной из лошадей Калика! Простор, удобство, безопасность. По крайней мере, ей есть за кого порадоваться. Элени с радостной улыбкой взглянула на Набата и потрепала его по морде.

Расседлав и покормив коня, Элени принялась его чистить. Когда бока Набата заблестели, она подложила ему сена и налила воды. В тот миг, когда Элени собиралась накинуть на него попону, до нее донесся звук шагов. Повинуясь какому-то наитию, она обернулась и, увидев, кто остановился в дверях, почувствовала, как по ее телу прошла странная дрожь.

Калик стоял, выделяясь черным силуэтом в солнечных лучах, – высокий, мускулистый, длинноногий. Не произнеся ни слова, он какое-то время смотрел на Элени, а затем с тем же сосредоточенным вниманием перевел взгляд на лошадь. И в эту самую секунду Элени словно перестала для него существовать. Нет, этот его новый жеребец не просто хорош. Он превосходен! Калик опытным взглядом еще раз оценил статью своего приобретения, как вдруг, когда Набат переминался с ноги на ногу, глаза его сузились, а лицо перекосила брезгливая гримаса. Зайдя в денник, принц, не скрывая своего отвращения, поднял за край изношенную попону.

– Это что такое? – резко спросил он.

– Попона, ваше высочество, – с готовностью ответила Элени, изумляясь про себя. Ведь Калик сам должен был догадаться! – Я привезла ее с собой. После верховой езды на Набате я всегда высушиваю его, чищу, а затем накрываю его спину попоной. А чтобы он не намок снова... Видите, в попоне есть маленькие дырочки? Отличный и самый дешевый способ помочь лошади сохранить тепло.

Калик недоверчиво уставился на Элени:

– Ты хочешь сказать, что специально привезла это... тряпье?

Элени заставила себя проигнорировать то, как Калик отозвался о самой лучшей попоне, что у них была.

– Да, ваше высочество.

– А свою одежду? Что вообще ты привезла? Элени указала в сторону небольшой сумки.

– Это все? – нахмурился Калик.

– Да, ваше высочество, – пробормотала она.

– Черт возьми, да это же вещи на один день! – Возмущение Калика прорвалась наружу, хотя он и сдерживался, понимая, что своим криком может только встревожить лошадь.

– Не совсем так, – осмелилась возразить Элени. – Я буду стирать свои вещи перед сном, чтобы на следующий день надеть чистую одежду. Я всегда так делаю, ваше высочество.

Калик не мог поверить. Теперь эта девчонка, несомненно, забавляется. Причем за его счет. Хотя лично он не мог понять, что такого смешного может быть в посвящении мужчины в подробности стирки женского белья.

Он почувствовал, как в нем растет гнев. Хотя не это было главным поводом. Нет, его гнев был вызван тем, что румянец на девичьих щеках и блеск влажных глаз, которые вдруг стали походить на умытые после дождя только что распустившиеся листья, пробудил в нем сексуальное желание.

Принц хорошо знал это напряжение в чреслах. Жажда, которая требовала удовлетворения, как и то, что она могла возникнуть совершенно внезапно, когда он меньше всего этого ждал. Как, например, сейчас.

И в общем-то, нет ничего проще, как покончить с ним прямо здесь – просто бросить Элени на солому и овладеть ею. Но он мог так поступить, если бы был уверен, что девушка признает за ним такое право.

Его губы изогнулись в улыбке.

– Ты можешь быть конюхом, но в то же время не должна забывать, что работаешь на члена королевской семьи, а значит, являешься его представителем. – Калик усилием воли заставил себя отвлечься от охватывающего его возбуждения. – Это значит, что отныне ты должна одеваться соответствующим образом. Это понятно?

– Да, ваше высочество.

Калик хлопнул в ладоши, и почти сразу рядом с денником возникла служанка с закрытым вуалью лицом.

– Амина, – коротко представил он девушку. – Она покажет тебе, где ты будешь жить, а также позаботится о твоей одежде.

Элени лишь кивнула:

– Спасибо, ваше высочество. Взгляд Калика еще раз придиричиво пробежался по ее фигуре.

– И впредь старайся, чтобы в волосах у тебя не было ни соломинки.

Чувствуя, как горят ее щеки, Элени склонилась в глубоком поклоне, но Калик уже покинул денник, оставив ее с сильно бьющимся сердцем.

Амина провела ее во дворец через одну из задних дверей дворца. Элени не нужно было ничего спрашивать. Она и так знала, что Амина ведет ее в часть, занимаемую слугами. И все же новизна ощущений присутствовала, заставляя взволнованно стучать ее сердце. Вряд ли здесь ей встретится мертвый скорпион или какая-нибудь наглая крыса.

Амина открыла дверь и жестом показала, что Элени теперь должна зайти одна.

– Твоя комната, – сказала Амина.

Элени заглянула в просторную комнату с плиточным полом, с люстрой на высоком потолке и покачала головой.

– Должно быть, вы ошиблись, – пробормотала она и снова заглянула внутрь.

Открытые ставни окон позволяли видеть, что за ними открывался чудесный тихий уголок с негромко журчащим фонтаном и раздающейся откуда-то приятной музыкой.

Элени сглотнула:

– Это не может быть моей комнатой.

– Это *ваши* комнаты, – настойчиво повторила Амина.

– Понятно, – чуть успокоилась Элени. – Я буду жить здесь с какой-нибудь другой девушкой.

– Нет, – мягко возразила Амина. – Все, кто работает и живет во дворце, имеют свое собственное помещение.

– Но я ведь всего лишь конюх! – растерянно пробормотала Элени.

Лицо Амины ничем не выдало ее мыслей.

– В мои обязанности входит подчиняться, а не задавать вопросы, – сказала она. – Принц ценит лошадей больше, чем иные ценят бриллианты, и не допускает случайных людей в королевские конюшни, поэтому конюхи считают, что они должны жить в достойных условиях.

Элени взглядела в лицо Амины. То ли она слишком чувствительна, то ли Амина действительно чего-то недоговаривает.

– Спасибо, – неуверенно поблагодарила она служанку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.